

*Посвящается Б.
Я отыщу тебя во мраке
Нижнего мира.*

*Ты, любовь моя, утопающая в цветах с головою,
Восхищен тобой я нежностью и смехом,
Твоим открытым грядущему взором,
С широко распахнутой душою.*

Д. Г. Лоуренс

«Письмо из Города: Миндальное дерево»

*Я столько в Смерть влюблялся раз,
Когда во тьму склоняло повеленье,
Последним вздохом наслаждаясь,
Даруя тысячи имен и песнопений.*

Джон Китс

«Ода Соловью»

Первая глава

РОУЭН

Я был монстром в этом мире.

Я был монстром в чаще леса.

И пусть я остался в живых, однако по-прежнему ощущаю себя искалеченным. Разодранным когтями и клыками.

В полночь я пересекаю прихожую. Останавливаюсь у лестничной площадки и смотрю вниз через арочное окно. Холодное стекло, лунный свет разливается по саду внизу.

Харвестфолл затмил Саммерсенд. Деревья увешаны увядающими или уже мертвыми листьями. Земля орошена инеем первых заморозков. На алтаре под деревом джакаранда в центре лужайки горит единственная свеча. Освещая почерневшие подтеки, все еще омрачающие вид деревянной рамы иконы, и облачая Леди в теневой саван.

И себя я ощущаю точно так же. Темный, как чернила, мрачный, как Гниль, запятнавшая берег, дурной, как яд, заполнивший мои вены.

То, что мы сделали, оставило шрамы. Запертый сад. Разрушенный алтарь. Изрезанная земля, поваленное де-

рево, напоминающее в лунном свете скелет, глубокие раны на поверхности земли, будто оставленные когтями. Все останки разрушений, порожденные мной, когда я был монстром. Когда я собирался потопить весь мир. Утопить всех, кого любил.

Теперь Гниль сгинула. Она исцелилась. Я излечен. И все же.

И все же.

Я наблюдал за тем, как мир разрывался на части. Смотрел, как Виолетта Грейслинг — девушка, которую я люблю — растворялась во мраке. Держал ее в своих руках, когда яд овладевал ею, когда она пролиwała свою кровь на коленях перед двойным алтарем и взывала к Подземному Лорду. В тот последний, ужаснейший момент, когда тени сомкнулись над ней, я услышал ее голос, требующий у него забрать ее, живую, в Нижний мир.

А затем она... ушла.

Я думал, что уже познал горе. После смерти своих родителей, после того как потерял Элана. Думал, что знаю, как его сила ослабевает в моменты суматохи и крепнет, когда в мире царит безмолвие. Но такого еще не происходило. Это вихрь жестокости. И он хватает меня за горло, когда я наиболее незащищен.

Ночью, после погружения в беспокойный сон, возникают мысли о Лете, постоянно, хоть я и не желаю их слышать. Я просыпаюсь один в темноте. Печать, нанесенная ею на мое запястье, саднит и горит. Будто она все еще связана со мной с другого конца. И каждый раз я никак не могу ей помочь. Моя рука на кровати, а пальцы пытаются ухватиться за пустоту.

Я ненавижу себя за это. За надежду отыскать ее. Горе — это не десятина, которую можно уплатить с кровью. Не

существует способа сбежать от этих страданий. Это боль, от которой я не могу освободиться.

Однажды я назвал ее призраком. И теперь, подобно призраку, она преследует меня. Просыпаюсь. Засыпаю. Все, что я вижу, это Лета. Как она выглядела, когда прошла по берегу и погрузилась в воду. Какой она была, когда я принес ее к алтарю. Как она в последний раз меня поцеловала; ее губы были пропитаны кровью и ядом.

Она сказала, что сама сделала этот выбор. Что она не боялась. Что ее жертва защитит нас.

Со вздохом я отвернулся от окна. Стянул с ладоней перчатки. И бесшумно спустился по лестнице. И хотя все уже давно спят, я не хочу тревожить их. Мне нужно побыть в одиночестве. Этой ночью я совершу первый ритуал с тех пор, как все случилось. Впервые я пришел — не пропитанный Гнилью — к двойному алтарю в гостиной.

Когда я вхожу, в комнате темно. Я закрываю за собой дверь. Отдергиваю шторы и позволяю лунному свету разлиться по полу. В воздухе чувствуется слабый запах дыма. А внизу — следы старой крови.

Двойная икона висит в тени, но я не зажигаю свечи, стоящие в ряд на алтаре. Вместо этого я встаю на колени. И не отрываю взгляда от пола. Прикасаюсь к половикам, ощущаю их шероховатости своими пальцами без перчаток. Здесь еще осталось выцветшее багровое пятно от пореза Леты. Отдавшей свою кровь ради последнего обещания.

И это то место, где задолго до этого я порезался и отдал свою кровь, но не получил ответа.

Я нахожу зажигалку и подношу ее к одной из свечей. Пламя дрожит, и я ощущаю тепло на своем лице. Теперь я отчетливее вижу отметину на полу. Кровь, засохшую до бледно-красного, цвета плода граната.

Все вокруг размывается из-за непрошенных слез, наполнивших мои глаза. Я с усилием сдерживаю их. Заставляю их вернуться обратно, пока мое зрение не отмечает темноту. Прерывисто дыша, я наконец поднимаю взгляд к иконе. Леди из бронзы и золота. Ее протянутые руки. Свет распускается в ее ладонях, словно бриллиантовые цветы.

Под ней Подземный Лорд как воплощение теней, дыма и тьмы.

Я пристально смотрю на него. На силуэт его мантии. Резкие очертания его короны с рогами. Вот то существо, что спасло меня, когда я тонул. Удерживал меня, когда я падал в воду. Шепотом говорил со мной, когда озеро не позволяло мне сделать ни единого вдоха. Спрашивал, что я предложу взамен за свою жизнь.

Я никогда не был знаком с ним так, как Лета. Для меня он всегда был лишь голосом среди теней, существом, чье присутствие я скорее ощущал, нежели видел. Подобно сохранившимся следам кошмара или полузабытого воспоминания. И несмотря на то, что я звал его столько раз — после того, как он убил моего отца, после того, как я осознал, что он хотел забрать мою семью в наказание — он ни разу не ответил.

А Лета могла его видеть. Она могла *призывать* его. Она разговаривала с ним, пообещала себя ему и ступила в его тьму.

Я прижимаю свои ладони к покрытому пятнами полу. Ее кровь, моя кровь. Столько просьб, оставшихся без ответа, и несдержанных обещаний. Иногда я думаю о том, как бы все сложилось, если бы я не нарушил свою клятву, когда мне исполнилось тринадцать и он вернулся ко мне. Если бы я ушел с ним.

Так легко сожалеть. Думать о том, что можно было сделать иной выбор. Но теперь это не имеет никакого

значения. Я здесь, живу благодаря жертвам других людей. Моего отца, моей матери, моего брата. И теперь еще и... Леты.

Я зажигаю остальные свечи у алтаря. Погружаю свои пальцы в соль, а затем рассыпаю подношение под иконой. И начинаю напевать. Я ненавижу свой голос, то, как ноты сливаются с моим сбивчивым дыханием, мое горло все еще сжимается от сдерживаемых слез.

Литания Харвестфолла, распеваемая другими, вызывает образы возделанных полей и дыма от костра. Голых ветвей и неспешного перехода к долгим ночам. Но когда ее пою я, литания звучит как незаживающая рана. Она звучит как стенание.

Мои руки начинают дрожать. Я сильнее прижимаю их к полу. Закрываю глаза. Тянусь к свету, который, как поговаривают, где-то там есть. К свету, которым стала Леди, когда сотворила мир. Золотистая магия, пронизывающая все вокруг. Прошло так много времени с тех пор, как я чувствовал ее. Когда Гниль владела мной, и я проводил ритуал, вокруг был только холод. Чувство пустующей темноты.

Теперь я выжидаю, пытаюсь почувствовать что-то за пределами этого привычного безмолвия.

Горят свечи. По воздуху расстилается дымок. Я сглаживаю и ощущаю вкус пепла.

В течение долгого времени царит лишь тишина. Затем в моих ладонях начинает пульсировать тепло. Я чувствую, как мое тело тяжелеет. В изумлении я поднимаю взор к алтарю. Но дело не в магии. Это не Леди.

Это то, что намного ближе. Рана, которая по-прежнему болит.

Я поднимаю руку, медленно, нетвердо. К моему запястью тянется нить. Я изумленно смотрю на то, как она

блестит в темноте; тонкая золотистая линия, которая колеблется и мерцает, словно пламя свечи. Мое сердце начинает биться быстрее, пока я наблюдаю за нитью, уходящей во мрак. Я чувствую, как меня что-то тянет, ощущаю странную пульсацию тепла, боль от раны.

А после стремительным порывом меня окутывают сияющие цвета. Персиковый, розовый и золотой. И появляется силуэт. Светлые веснушки, бледная кожа, волосы цвета летнего адониса. Лета.

Она там, прямо за гранью темноты. Облаченная в черное кружево, с распущенными волосами. Я судорожно вздыхаю, и этот шум резко рассекает тишину. Она смотрит на меня. Ее серебристо-серые глаза широко раскрыты и пусты. И я ужасно желаю, чтобы все это было по-настоящему. В отличие от тех преследующих меня видений, вырывающих меня из сна каждую ночь.

Медленно я поднимаюсь на ноги. Уверенный в том, что в ближайшее мгновение, со следующим ударом сердца, видение рассеется, и я проснусь в одиночестве. Мои руки прижаты к пустому алтарю.

Я шепчу ее имя с таким отчаянием, как никогда еще прежде не умолял под этой омраченной тенями иконой.
— Лета?

Она поворачивается, и пустота в ее взгляде сменяется узнаванием. Она смотрит на меня с такой невыносимой нежностью. Мой же взгляд наполнен тоской. Ее губы размыкаются. Ее губы формируют слово — *мое имя?* — но я ничего не слышу.

Я подаюсь ей навстречу. Моя ладонь дрожит в пространстве между нами. Сияние нити становится все ярче. Другой ее конец завязан на ее запястье. Рядом с печатью, оставшейся от заклинания, произнесенного ею ради моего спасения, когда меня почти поглотила тьма.

Я касаюсь ее в этом месте. Прикасаюсь к ее запястью. От прикосновения к ее коже — холодной, невысказанно холодной — из моей груди вырывается низкий, неровный всхлип. Меня переполняют все те слова, что я хотел произнести с тех пор, как она ушла.

— Лета, — шепчу я. — Я жутко по тебе скучаю. Даже не уверен наверняка, что это происходит на самом деле. Но я...

Я замолкаю, когда свет становится туманным, и все превращается в сон. Лета берет меня за руку. Она не пытается снова заговорить. Ее ресницы опускаются, и одинокая слезинка скатывается по щеке. А потом она начинает растворяться в воздухе.

Я цепляюсь за нить между нами — связывающую наши с ней запястья — но все, что я ощущаю, это тени. Я пытаюсь притянуть ее в свои объятия, но она стала лишь дымкой и тлеющими угольками. Тусклая дымка, сменившаяся мерцанием свечей алтаря. Она ушла.

И вот я один в гостиной, а мои ладони прижаты к полу. Победенный насмешкой смутных мыслей. Обо всех надеждах, которые когда-то возлагал на жизнь с Летой. О будущем, которое хотел ей предложить. О книгах, сложенных в стопки на библиотечных полках. Ее саде, пестрящем цветами. О нас, где мы лишь вдвоем в моей комнате, в лунном сиянии.

Затем меня пронзает острая боль, настолько сильная, что мои пальцы резко впиваются в запятнанные доски. Словно у меня есть когти. Дрожа, я сажусь обратно на пятки. Расшнуровываю рукава. По запястьям струится кровь. Шрамы в тех местах, где я бесчисленное количество раз пускал кровь для десятины, превратились в открытые раны. Моя кровь, она не красная. Она *черная*. И вокруг печати, которую Лета оставила на мне в тот

день, когда я стал монстром, под моей кожей собрались тени.

Точно так же, как раньше, когда Гниль овладевала мной.

Я вопрошающе прикасаюсь к печати. Мы изгнали Гниль в том последнем, чудовищном, ритуале, когда Лета ушла в Нижний мир. Я видел, как исцелился берег. Чувствовал, как тьма покидает мое тело. А внутри меня, там, где некогда покоился монстр, оставалась лишь тишина.

Я исцелен. Я должен быть исцелен.

Я все еще смотрю на свое запястье, на печать и слишком темную кровь, когда в коридоре раздаются шаги. Там мерцает свет от свечи. Затем раздается тихий стук в дверь. Флоренс робко заходит в комнату. На ее плечи накинут платок, закрепленный резной деревянной застёжкой.

Она смотрит на меня, потом на алтарь, и ее лицо приобретает серьезное выражение.

— Ты в порядке?

— Я... не уверен.

Она делает еще шаг мне навстречу. Ее брови приподнимаются, когда она замечает мои окровавленные запястья. Я начинаю опускать рукава, чтобы скрыть порезы. Но слишком поздно. Она уже увидела.

— Роуэн, что ты сделал? Ты ранил себя?

Невысказанное снова встает между нами. Я обхватываю другой ладонью свое запястье.

— Нет.

Она наблюдает за мной, ожидая, что я скажу больше. Но я и сам с трудом могу осмыслить то, что только что произошло, не говоря уже о попытках объяснить это. Молчание затягивается. Наконец я вздыхаю.

— В ящиках комода еще остались бинты.

Она ставит свою свечу у подножия алтаря. Заправляет прядь волос, выбившуюся из кос, которые она носит заплетенными параллельными рядами по бокам головы. Она подходит к столу у комода и выдвигает ящик. Коробочка с бинтами и банка медового бальзама Кlover по-прежнему внутри. Остались с тех пор, как я приходил сюда после десятины.

Я чувствую себя непривычно, опустошенно, наблюдая за тем, как она вынимает из ящика коробочку. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз ходил к озеру и ранил себя, отдавая кровь земле. Но воспоминание еще так живо в моем сознании.

Холодное скольжение тьмы. Гниль, поглощающая меня. Отравляющая магия, управляющая моей жизнью столько лет.

Флоренс опускается на пол рядом со мной. Удерживая коробочку на коленях, она открывает ее и достает содержимое. Льняной салфеткой она начинает очищать мои раны. Я с трудом заставляю себя не двигаться. Часть меня так сильно этого желает. Позволить ей позаботиться обо мне. Сидеть здесь и чувствовать мягкость ее прикосновений, когда она вытирает кровь с моих запястий.

Но меня начинает тошнить от сладковатого запаха мази. Все, о чем я могу думать в данный момент, это о ночи, когда Лета последовала за мной, когда я платил свою десятину. Потом мы вернулись сюда, и я рассказал ей о своей связи с проклятием на берегу. Это был первый раз в жизни, когда я поделился тайной. Я ожидал худшего... что это вызовет у нее отвращение, что она начнет меня бояться. Вместо этого она взяла меня за руку и пообещала последовать за мной во тьму.

Мою грудь сжимает, и с моих губ срывается сдавленный всхлип. Я стискиваю зубы от этого звука. Прежде